

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ЛЮТЕРАНСКОГО ПРИХОДА В ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX в.

В реформаторских планах правительства важное место отводилось преобразованию евангелическо-лютеранского прихода в Прибалтийских губерниях. Хотя вопрос о церковной реформе в Прибалтике назрел уже в конце XIX в., к ее непосредственной разработке (так же как и ряда других преобразований) правительство обратилось только под влиянием революционных событий 1905–1907 гг.

Размах революционного движения в Прибалтийских губерниях вынудил правительство искать выход из создавшегося положения. В связи с этим Совет министров 26 ноября 1905 г. обсудил ситуацию в Прибалтике и принял решение о разработке необходимых преобразований. С этой целью по указу 28 ноября 1905 г. при временном прибалтийском генерал-губернаторе создавалось особое совещание для подготовки проектов реформ.¹ Правительство полагало, что их реализация наряду с репрессивными мерами позволит быстро и эффективно восстановить в крае порядок.

Это совещание должно было разработать предположения по улучшению быта крестьян, проекты земской и школьной реформ, а также реформы сельского евангелическо-лютеранского прихода. Министерство внутренних дел рассматривало ее как первый этап реорганизации всего строя лютеранской церкви края.

Потребность в этом преобразовании ощущалась весьма остро: беспорядки в церквях и убийства пасторов в 1905–1907 гг. свидетельствовали о падении авторитета лютеранской церкви среди населения. Тревожным фактом для Духовного ведомства и Министерства внутренних дел было сокращение числа причащавшихся Святых Тайн (особенно серьезное в 1908 г.), которое отмечали в своих донесениях местные консистории. Оно указывало на увеличение числа отпавших от веры и вместе с тем на рост аудитории, потенциально восприимчивой к антирелигиозной революционной пропаганде.²

Причиной этой неблагополучной ситуации послужили недостатки в организации религиозной жизни лютеран Прибалтийских губерний. Часть их обусловило несовершенство Устава евангелическо-лютеранской церкви от 28 декабря 1832 г., который к началу XX в. значительно устарел.

Так, отсутствие в нем правильной регламентации церковных повинностей приводило на практике к конфликтам между владельцами крестьянской и мызной недвижимости, в связи с тем что основная тяжесть этих повинностей приходилась на крестьянскую землю. Неудовлетворительными признавались способы отбывания церковных повинностей и система их распределения по гакенам или талерам, причем особую сложность представлял перевод этих мер в действовавшую систему единиц измерения.³

Другой серьезной проблемой являлось право патроната. Оно появилось в Прибалтике в конце XII—начале XIII в. вместе с распространением католичества и представляло собой совокупность прав и обязанностей определенного лица в отношении церкви. Наиболее важным из них было право предлагать высшей духовной власти кандидата на место проповедника. В связи с этим в общественном мнении патронат определялся как право помещика назначать пастора.⁴

На почве патроната нередко возникали серьезные столкновения между эстонцами и латышами, с одной стороны, и немцами, с другой. Прихожане считали, что он нарушает основополагающие догматы лютеранской церкви и умаляет их права. Они содержали церковь и духовенство вместе с патронами и требовали равного с ними участия в церковных делах.⁵

Случалось, что конфликты между патроном и приходом из-за кандидатуры пастора перерастали в беспорядки, как например, в 1892–1900 гг. в Эксе, Лубане, Шваненбурге, Оциенкалене и Гельмете, а в 1896 г. — в Обер-Паленском приходе Лифляндской губернии. Из-за этого имели место случаи, когда проповедник вводился в пасторат без совершения обряда интродукции и при этом применялись полицейские меры. В знак протеста против таких действий прихожане начинали бойкотировать церковь и переходили в баптизм.⁶

Учитывая отрицательные последствия патроната, Министерство внутренних дел уже в декабре 1881 г. пыталось его упразднить. Однако в 1885 г. дело было оставлено без последствий, так как Генеральная консистория не согласилась на эту меру. Спустя 20 лет, в феврале 1905 г. Министерство внутренних дел вернулось к проблеме патроната и возобновило разработку его отмены, объединив ее с подготовкой реформы лютеранского прихода.

К тому же за ликвидацию патроната и передачу выбора проповедника приходу выказалось в декабре 1905 г. эстляндское и 20 апреля 1906 г. лифляндское дворянство при условии, что новый порядок избрания пастора обеспечит прихожанам действительную свободу волеизъявления. Курляндское дворянство, напротив, считало, что главным образом патроны содержат местную церковь и поэтому возражало против упразднения патроната.⁷

Его отмена была призвана ослабить влияние прибалтийско-немецкого дворянства в церковных делах как противоречившего государственным интересам. В «Справке по вопросу об отмене права частного патроната в евангелическо-лютеранских приходах» за подписью вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Н. И. Павлова (составлена в феврале 1905 г.) отмечалось, что патронат делал духовенство материально зависимым от дворянства и тем самым превращал его в «орудие для удовлетворения» сепаратистских устремлений остзейских дворян. Так, пасторы, назначенные патронами, нередко выступали в политической роли «антиправительственных агитаторов» при проведении в крае различных реформ.⁸

Кроме того, по данным департамента, значительное число частных патронатов существовало без юридического обоснования. Согласно Уставу 1832 г., приобрести право патроната можно было только с высочайшего разрешения. По данным лифляндского губернатора, в конце 30-х гг. XIX в. в Лифляндии существовал 41 казенный патронат, в 1887 г. их было уже 22, а остальные 19 стали частными. При этом ему не удалось найти ни одного указа с 1837 по 1887 г. о передаче кому-либо этого права.⁹

Патронатские приходы были весьма распространены в Прибалтийских губерниях. По сведениям Лифляндского губернатора, в 1903 г. в материковой части Лифляндии было 104 сельских прихода, из них 76 частных патронатов и 22 казенных (т. е. право патроната в них принадлежало казне); на Эзеле все сельские патронаты являлись казенными. В Эстляндии в 1906 г. действовало 50 лютеранских приходов: 43 частных патронатских и только в семи пастора назначал церковный конвент. В Курляндской

губернии все приходы были патронатскими.¹⁰ Таким образом, лишь в незначительном числе приходов проповедника избирали сами прихожане. Даже если принять во внимание, что казна не пользовалась своим правом патроната и передавала его церковным конвентам, то перевес все равно оставался на стороне частных патронатов.

Следует отметить, что не все группы приходского населения имели представительство в церковном конвенте, который избирал проповедника. В Эстляндии доступ в него крестьянам был серьезно затруднен. В Лифляндской губернии действовали правила о конвентах от 15 июля 1870 г. Они допускали в эти органы представителей крестьян-дворохозяев. Это была лишь небольшая часть местного крестьянства: по данным переписи 1897 г., более 60% сельского населения Лифляндии составляли безземельные крестьяне. Они были устранены от участия в церковной жизни, несмотря на то что несли часть расходов по содержанию духовенства.¹¹

Внимание лифляндских губернаторов привлекло к себе и то, что даже при одинаковом представительстве крестьян и дворян в конвенте руководящая роль всегда принадлежала последним. Департамент духовных дел объяснял это солидарностью депутатов от дворян, пастора и церковного попечителя (он как главный распорядитель по всем церковным делам в приходе председательствовал в конвенте).

К тому же крестьяне опасались открыто выступать против решения помещиков, поскольку материально все еще от них зависели. Так, на 1910 г. в Лифляндии была выкуплена только одна треть участков, находившихся в собственности крестьян. Большинство же из них имели долговые обязательства по отношению к помещикам. Еще в более сильной зависимости от дворян находились крестьяне-арендаторы. Более трети их (всего в аренде у крестьян состояло 4372 участка повинностной земли) не имели формальных контрактов и держали участки на основе словесной договоренности.¹²

Эти обстоятельства приводили к тому, что конвент решал все вопросы в интересах помещиков и избирал церковных попечителей преимущественно из дворян. По данным на 1899 г., из 136 церковных попечителей в Лифляндской губернии дворян было 112 человек (82.35%), не дворян — 24 (17.65%), причем из них немцев — 128 человек (94.12%), латышей — 6 (4.41%), эстонцев — 2 (1.47%).¹³

Принимая во внимание серьезные недостатки в организации лютеранской церкви Прибалтийских губерний, Министерство внутренних дел неоднократно признавало необходимость ее преобразовать — допустить широкие слои местного населения к участию в церковных делах и устранить преобладающее влияние в них дворян. В реформировании нуждались Генеральная консистория, центральные и приходские учреждения лютеранской церкви. Сложные проблемы существовали в городских приходах, где право патроната принадлежало купеческим гильдиям или магистратам, нередко состоявшим из представителей различных конфессий. В то же время реформу было решено начать с сельского прихода, поскольку именно там сосредоточивалась основная масса лютеран края.

Первую редакцию проекта реформы Департамент духовных дел иностранных исповеданий подготовил за короткий срок — в течение зимы 1907/08 г. В своих главных положениях она основывалась на проекте Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе, разработанном 22 сентября 1907 г.

В отличие от проекта, выдвинутого этим совещанием, редакция Департамента духовных дел сохраняла право патроната. Однако при этом ликвидировалось право патронов

избирать проповедников. В сущности для самих патронов это сводило на нет весь смысл дальнейшего существования патроната.

Избрание проповедника передавалось приходу в лице церковного совета. Его членов — церковных старшин — выбирали прихожане. В соответствии с имущественным цензом они распределялись по трем избирательным собраниям: крупные и средние землевладельцы, арендаторы и безземельные, платившие добровольные взносы (не менее одного рубля в год в течение шести лет).¹⁴ От повинностей в пользу лютеранского духовенства освобождались казенные имущества и частные, принадлежавшие лицам иных исповеданий. Хотя департаментский проект в целом был умереннее проекта Особого совещания, все же он несколько расширил круг избирателей церковных старшин, допустив к их выборам различные категории арендаторов.

Одобренный Советом министров законопроект «Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях» 7 декабря 1911 г. Министерство внутренних дел внесло в III Государственную думу.

Рассмотрение проекта приходской реформы началось только в IV думе, после того как 10 декабря 1912 г. он поступил в ее комиссию по вероисповедным вопросам. Там проект рассматривался с 30 марта по 23 июня 1913 г. Его предварительным разбором занималась подкомиссия в составе З. М. Благоданова, барона Н. Б. Вольфа, К. Ю. фон Бреверна и ксендза И. А. Лаукайтиса под председательством епископа Анатолия.¹⁵

Комиссия внесла в проект поправки компромиссного характера, сделав некоторые уступки латышам и эстонцам, с одной стороны, и прибалтийско-немецкому дворянству, с другой. В интересах первых она сократила срок уплаты добровольных взносов до двух лет (как было установлено в проекте Особого совещания). Это несколько облегчало доступ в церковный совет арендаторам и безземельным крестьянам.

В интересах же прибалтийско-немецкого дворянства комиссия высказалась против освобождения имущества казны от церковных повинностей. Свое решение она мотивировала тем, что государственные земли несли их в течение длительного времени. Причем казна уплачивала эти повинности, несмотря на закон от 14 мая 1886 г., освободивший от них лиц нелютеранского вероисповедания.¹⁶

Эта поправка в итоге предопределила судьбу законопроекта. Департамент духовных дел считал принципиальным вопрос об обязанности казны уплачивать повинности лютеранской церкви. Как отмечалось в его справке, признание казны, обязанной платить эти повинности, создавало «крайне опасный и нежелательный прецедент», которым могли воспользоваться другие неправославные церковные организации. По мнению составителя справки, поправка вероисповедной комиссии противоречила интересам государства, поэтому в ее черновом варианте он высказался за отзыв законопроекта. Однако из окончательного текста справки, с которым ознакомился министр внутренних дел Н. А. Маклаков, это решение исключили.¹⁷

После того как 13 ноября 1913 г. законопроект одобрила Финансовая комиссия, он был представлен на рассмотрение общего собрания думы, но затем снят с очереди. Законопроект пролежал без движения вплоть до 23 декабря 1915 г., когда его отозвало Министерство внутренних дел. Оно намеревалось переработать проект реформы на новых основаниях, с учетом изменившейся политической ситуации в Прибалтике

и полученных «новых данных». Помимо этого, было решено распространить действие реформы и на Курляндию в связи с заявлением одиннадцати депутатов думы 21 мая 1913 г. о том, что реформу прихода желательно реализовать также в Курляндской губернии.¹⁸

Дальнейшая работа над ее проектом проходила в период Первой мировой войны.¹⁹ Условия военного времени радикализовали подход правительства к этому преобразованию и усилили его антинемецкую направленность.

Вторую редакцию проекта приходской реформы разработало Особое совещание, образованное при Департаменте духовных дел под председательством его директора Г. Б. Петкевича. Помимо чиновников департамента в качестве экспертов в него вошли управляющий митавским отделением крестьянского банка Н. Н. Бордонос и бывший директор народных училищ Лифляндской губернии А. В. Вильев. Эти лица, как свидетельствовал Г. Б. Петкевич 19 июля 1916 г. в записке о работе над законопроектом, по своей службе в Прибалтийских губерниях были хорошо знакомы с религиозным бытом лютеран.²⁰

Кроме того, для выяснения ряда связанных с реформой вопросов в феврале–марте 1916 г. в Прибалтику командировали составителя проекта 1911 г. чиновника особых поручений при министре внутренних дел А. С. Мамантова. В ходе этой поездки он обсудил с местной администрацией министерский проект и ознакомился с делопроизводственными материалами правительственных учреждений края. Полученные при этом данные позволили Департаменту духовных дел в июне 1916 г. выработать окончательную редакцию проекта реформы.²¹

Эта редакция сохраняла общую организацию прихода такой же, как в проекте 1911 г. (она включала в себя общее собрание прихожан, церковный совет как распорядительный орган и церковное попечительство — как исполнительный), но в остальном первая и вторая редакции существенно различались. Новая редакция распространяла реформу на все Прибалтийские губернии, включая Курляндию. В качестве ее главного принципа Департамент духовных дел провозгласил уравнивание в правах всех прихожан, участвовавших в материальном обеспечении церкви. В связи с этим была ликвидирована курральная система выборов церковных старшин и минимальный размер добровольных взносов.

Все же провозглашенное уравнивание в правах не коснулось батраков. Их право голоса ограничил ценз оседлости — не менее двух лет проживания в приходе. По мнению департамента, они как «пришлый элемент» не могли серьезно интересоваться делами какой-либо конкретной церкви. Отстранение батраков от участия в церковных делах должно было предотвратить излишнюю демократизацию прихода и обеспечить, таким образом, выборы консервативно настроенного пастора.²²

Вторая редакция проекта отличалась выраженной антидворянской направленностью. Как отмечал сотрудник Департамента духовных дел — составитель записки к отдельным статьям этого проекта (она датирована августом 1916 г.), реформа должна была ликвидировать все привилегии остзейского дворянства «в деле устройства и управления» лютеранской церкви. Департамент считал необходимым устранить «отрицательное национальное влияние» остзейцев на прихожан, но вместе с тем обеспечить дальнейшее участие консервативного прибалтийско-немецкого дворянства в делах церкви. В нем виделся противовес эстонцам и латышам с их «узконационалистическими и революционными» тенденциями.²³

Руководствуясь этими соображениями, Департамент духовных дел предполагал упразднить институт патроната и органы церковного надзора — главные церковные попечительства, через которые рыцарство влияло на церковные дела. Вероисповедные функции главных церковных попечительств переходили к церковным советам, а административные — к губернскому правлению. Оно становилось апелляционной и ревизионной инстанцией в отношении церковных советов. Эта мера не только усиливала контроль правительственной администрации за приходской жизнью, но и, по мнению департамента, позволила бы эффективно урегулировать конфликты, возникавшие между прихожанами на национальной почве.²⁴ Хотя представляется сомнительным, чтобы губернское правление — сугубо светское учреждение без соответствующего опыта могло успешно разрешать проблемы в церковных приходах.

Департамент духовных дел пошел на некоторые уступки в отношении эстонского и латышского языков в приходских учреждениях. Их разрешалось употреблять в церковных советах и попечительствах с обязательным переводом протоколов заседаний на русский. Эти уступки отчасти вызывались практическими соображениями: знание государственного языка в сельских местностях Прибалтийских губерний было крайне слабым. В связи с этим церковному совету разрешалось избирать попечителя и его помощника без образовательного ценза (он соответствовал курсу высшего начального училища), если они достаточно владели русским языком.²⁵

В отличие от прежней редакции новый проект отменял все церковные повинности. Для финансового обеспечения лютеранского духовенства предполагалось определить минимальный доход пастора и выплачивать ему соответствующее ежемесячное содержание. Необходимые для этого средства должны были поступать от недвижимого имущества церкви и ее капиталов, которыми владели лютеранские приходы. Если же этих средств не хватало, то разрешалось установить особый сбор с прихожан. Распределять его было поручено церковному совету в соответствии с состоятельностью членов прихода.²⁶

Между тем законодательное утверждение законопроекта затянулось. По распоряжению министра внутренних дел его экстренно внесли 7 августа 1916 г. в Совет министров. Однако Совет министров не утвердил его и передал 9 сентября 1916 г. на заключение Министерства юстиции.²⁷

Вопреки мнению директора Департамента духовных дел законопроект был представлен и на отзыв Генеральной консистории. В своем заключении на проект 10 сентября 1916 г. она резко возражала по существу реформы — не соглашалась с новыми принципами организации прихода. По мнению консистории, намеченное преобразование передавало руководство церковными делами в руки лиц, не способных конструктивно вести общественные дела, а ликвидация повинностей делала материальное положение церкви нестабильным.

В действительности консисторию не столько беспокоил вопрос об эффективности реформы, сколько соблюдение интересов прибалтийско-немецкого дворянства в церковных делах. Министерство внутренних дел, со своей стороны, не согласилось с ее замечаниями. Оно рассмотрело их и опротестовало по существу. Не повлияли на его позицию и протесты предводителей прибалтийско-немецкого дворянства против намеченной реформы.²⁸

Для выполнения решения Совета министров 9 сентября 1916 г. министр юстиции А. А. Макаров в отношении 25 сентября предложил управляющему Министерством

внутренних дел А. Д. Протопопову обсудить проект приходской реформы в межведомственном совещании. Его прообразом послужило Особое совещание при Министерстве юстиции, разработавшее ранее законопроект об отмене особых привилегий владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях.

Председателем этого межведомственного совещания стал товарищ министра юстиции А. Н. Веревкин, а в его состав, помимо сенаторов, чинов Департамента духовных дел и Министерства юстиции, вошли представители Государственной канцелярии, министерств земледелия и финансов, а также приглашенные лица. Это совещание собралось лишь на свое первое заседание — 18 февраля 1917 г., его дальнейшую работу прервала Февральская революция.²⁹

Она прервала подготовку и других преобразований для Прибалтийских губерний, которую вел Департамент духовных дел. К их числу относилась реформа городских и смешанных (с городским и сельским населением) приходов, а также реорганизация центральных и высших административных органов лютеранской церкви.³⁰

К 1 декабря 1916 г. был подготовлен проект «О реформе управления евангелическо-лютеранской церкви в России» для представления в думу. Эта реформа, по мысли Департамента духовных дел, должна была освободить лютеранскую церковь Российской империи от влияния немцев вообще и прибалтийского дворянства в частности и вместе с тем усилить контроль правительства за ее деятельностью. В связи с этим Генеральная консистория как «главный проводник» этого влияния ликвидировалась. Ее судебные функции переходили к Сенату, а административные — к Департаменту духовных дел.³¹ Разработка этой реформы в целом не была завершена.

Цели «дегерманизации» духовной жизни лютеран России преследовал и другой законопроект — «О языке переписки, делопроизводства, суждений и протоколов заседаний протестантских духовных учреждений и лиц и о пересмотре некоторых статей закона, связанных с этим вопросом» (его составителем был начальник отделения Департамента духовных дел А. В. Петров).³²

Проект предусматривал ввести русский язык вместо немецкого в делопроизводство протестантских церковных учреждений и исключить немецкую терминологию из «Устава иностранных исповеданий». Вместе с тем было сделано некоторое послабление национальным языкам. Родной для большинства населения язык позволялось употреблять в приходских учреждениях, а с разрешения министра внутренних дел и в заседаниях синодов при чтении богословских докладов. В то же время ограничивались права немецкого населения Прибалтийских губерний — богослужение на немецком языке в сельских приходах становилось необязательным даже при значительном числе прихожан-немцев. В результате они могли остаться без духовного окормления.³³

После того как 1 марта 1916 г. Совет министров одобрил этот законопроект, 29 марта 1916 г. он поступил в думу. Она в свою очередь передала его в вероисповедную комиссию, где он остался нерассмотренным.³⁴

В отличие от приходской реформы ни введение русского языка в делопроизводство лютеранской церкви, ни реорганизация ее управления не вызывались настоятельной необходимостью. Их подготовка началась под влиянием антинемецкой кампании, и поэтому эти реформы в большей степени отвечали задачам «борьбы с германизмом», чем реальным потребностям лютеран. Хотя предусмотренное расширение употребления эстонского и латышского языков в церковных учреждениях несомненно было положительным фактом.

Реформа сельского лютеранского прихода, так же как и ряд других преобразований, намеченных правительством для Прибалтики в начале XX в., осталась нереализованной по ряду причин. Прежде всего правительство не могло решиться изменить традиционный баланс политических сил в Прибалтийских губерниях. Оно опасалось, что с уменьшением влияния дворянства усилится роль эстонцев и латышей в общественной жизни края. Это, по мнению правительства, привело бы к нежелательным последствиям — к возникновению автономистских тенденций и росту сепаратизма, в то время как целью реформ должно было стать усиление правительственного влияния в крае. В этом виде-лось единственно эффективное средство поддержания государственного единства.

Реформа лютеранского прихода не была реализована во многом по вине самого Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Из-за его позиции прошедший думские комиссии законопроект в 1913 г. был снят с очереди на обсуждение в общем собрании думы. Он пролежал без движения два года вплоть до 23 декабря 1915 г., когда его отозвало Министерство внутренних дел для переработки. Однако объективные обстоятельства — условия военного времени и оккупация части Прибалтийских губерний Германией исключали возможность успешно осуществить эту реформу и в целом делали ее дальнейшую подготовку бессмысленной. Благоприятная возможность реализовать церковную реформу была упущена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 39 об.; Ф. 1276. Оп. 5. Д. 125. Л. 1 об.; Революция 1905–1907 гг. в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллин, 1955. С. 437–438. См. также: *Андреева Н. С.* Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44–61.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 338. Л. 14; Оп. 133. Д. 1090. Л. 60.

³ Там же. Оп. 133. Д. 1041. Л. 1–2.

⁴ Там же. Оп. 150. Д. 309. Л. 3, 8, 13, 46. См. также: *Кропоткин Н. Д.* Патронат и церковные повинности в Прибалтийских губерниях. Рига, 1906.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 6. Л. 35, 121; Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 83; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1396. Л. 299.

⁶ Там же. Ф. 821. Оп. 5. Д. 165. Л. 25, 146–146 об.; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1396. Л. 302; Прибалтийский край. Рига // Ревельские известия. 1909. 7–10 янв. Цит. по: РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 176. Л. 18.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 309. Л. 60–61 об.; Оп. 5. Д. 165. Л. 191–191 об., 193 об.; Оп. 133. Д. 1041. Л. 10, 19 об.–20.

⁸ Там же. Оп. 150. Д. 309. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 26.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 898. Л. 13, 60, 53.

¹¹ Там же. Оп. 133. Д. 1041. Л. 90, 92.

¹² Там же. Л. 91–92.

¹³ Там же. Л. 93; Оп. 5. Д. 898. Л. 16.

¹⁴ Там же. Оп. 5. Д. 898. Л. 273.

¹⁵ Там же. Оп. 133. Д. 1041. Л. 41; Д. 1090. Л. 173; Ф. 1278. Оп. 6. Д. 142. Л. 82.

¹⁶ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1041. Л. 45 об.; Д. 1091. Л. 177 об.

¹⁷ Справка Департамента духовных дел иностранных исповеданий о платеже повинностей казенными имуществами. 10.03.1913 г.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 984. Л. 275–275 об.

¹⁸ Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 142. Л. 113, 164–164 об.; Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 173–173 об.; Д. 982. Л. 203–204; Д. 1121. Л. 38. См. также: *Стерсте А. П.* Правовое и имущественное положение евангелическо-лютеранской церкви в Курляндской губернии. Митава, [б. г.].

¹⁹ Ср. *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987. С. 246–247.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1396. Л. 239–240; Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 173 об., 318.

²¹ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 173 об. 174; Д. 1089. Л. 2, 3 об., 8.

²² Там же. Д. 1090. Л. 61 об., 75–75 об., 50–50 об., 180 об. 181.

²³ Там же. Д. 1091. Л. 180; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1396. Л. 230 об.–231.

²⁴ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 69 об., 73, 37 об., 44–44 об.

²⁵ Там же. Л. 63 об., 64 об.–65; оп. 133. Д. 1089. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 67 об., 69, 78.

²⁷ Там же. Л. 53 об.; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 107. Л. 66.

²⁸ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1089. Л. 103; Д. 1090. Л. 164 об.–165 об.; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1301. Л. 7–7 об., 8; Объяснения Министерст-

ва внутренних дел по существу замечаний Генеральной консистории: Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 180–181 об.

²⁹ Там же. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1301. Л. 10 об.–11, 14–14 об., 38–40, 74; Ф. 821. Оп. 133. Д. 1089. Л. 149.

³⁰ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1119. Л. 203.

³¹ Там же. Л. 23, 24 об., 131, 206а об.; Д. 1067. Л. 8–8 об., 62.

³² Там же. Д. 958. Л. 25.; Ф. 1022. Оп. 1. Д. 16. Л. 389.

³³ Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1091. Л. 16–17 об.; Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1171. Л. 10 об.

³⁴ Там же. Ф. 821. Оп. 344. Д. 329. Л. 13, 30; Государственная дума: Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915–1916 гг. Пг., 1916. С. 310.

В. А. Нардова

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ 1905–1907 гг.

К началу XX в. в числе важнейших реформ, давно ожидавших своего решения, оставалась реформа местного управления и самоуправления. Принятое в 1892 г. новое Городовое положение не сняло проблемы рациональной организации управления в городах, но в известной мере даже увеличило несоответствие между возросшей ролью органов самоуправления в жизни городов и правовой базой, регулирующей их деятельность. В конце 1904 г. активизировалось движение городских дум за созыв общероссийского городского съезда для обсуждения вопросов преобразования общественного управления. Надежды городской общественности на возможность скорого проведения реформы появились после обнародования 12 декабря 1904 г. высочайшего указа, в котором среди прочих декларированных обещаний говорилось о предоставлении земским и городским учреждениям «возможно широкого участия в заведовании различными сторонами местного благоустройства» и даровании необходимой для сего «в законных пределах самостоятельности» (пункт 2). Определение способов разработки намеченных преобразований было возложено на Комитет министров.¹ Пункт 2 именного высочайшего указа, касавшийся земского и городского самоуправления, рассматривался Комитетом министров 31 декабря 1904 г., 4 и 25 января 1905 г.²

Комитет министров пришел к выводу, что задача преобразования местного самоуправления не может быть решена силами одних центральных учреждений, «не вполне